

имѣя ни малѣйшаго понятія о гораздо болѣе сложной и интересной машинѣ—о своемъ тѣлѣ».

Экзамены или репетиціи?

Какъ въ общественной жизни мы наталкиваемся чуть не на каждомъ шагѣ на предразсудки, совершенно непонятные для насъ,—на обычаи, которые давно пережили свой смыслъ и держатся лишь своей формой, мѣшая правильному проявленію жизненныхъ силъ,—такъ въ частности и въ школѣ, въ ея внутреннемъ строѣ, въ ея жизни, мы видимъ немало неразумныхъ традицій, немало такихъ «пережитковъ», которые незыблемо сохраняются въ теченіе многихъ поколѣній, словно какая-то святыня, хотя, казалось бы, въ дѣлѣ воспитанія, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, необходимо, чтобы все совершалось вполнѣ сознательно и строго обдуманно.

Къ числу обычаевъ, пережившихъ свой смыслъ, должны быть отнесены въ школѣ и экзамены въ ихъ общепринятой формѣ, т. е. съ ихъ торжественностью, лотерейностью и особыми днями для приготовленія къ нимъ.

Мѣсяцъ май и начало іюня представляютъ обыкновенно «страдную пору» въ школьной жизни: въ это время происходитъ, какъ бы, жатва того, что было посеяно и взрощено въ теченіе года, или даже нѣсколькихъ лѣтъ въ юныхъ головахъ учащихся. Пора эта очень тяжела какъ для учениковъ, такъ и для преподающихъ. Особенно даетъ она себя знать въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Стоитъ только взглянуть на ученицъ, особенно выпускныхъ,—и на ихъ лицахъ вы прочтете явные слѣды бессонныхъ ночей и постоянныхъ тревогъ и опасеній. Наконецъ, въ началѣ іюня почти во всѣхъ заведеніяхъ кончается это «время испытаній». Жатва окончена: собраны обильные ряды балловъ,—цифръ, выражающихъ, будто бы, умственные капиталы учащихся, или окончившихъ свое ученіе. Послѣднимъ выдаются аттестаты, представляющіе въ нѣкоторомъ родѣ кредитныя бумаги, по бѣльшей части, только съ одною номинальною цѣнностью.

Еще во дни юности многое въ существующей формѣ экзаменовъ приводило насъ въ недоумѣніе. Такъ, напримѣръ, недоумѣвали мы часто при видѣ ассистентовъ. Еще на экзамены математики, или языковъ, являлись, обыкновенно, люди компетентные въ дѣлѣ и, дѣйствительно, помогали экзаменатору, а если случайно попадали люди другой профессіи, то по ихъ лицамъ, полнымъ недоумѣнія, или разсѣянности, ясно можно было видѣть, что они предмета не знаютъ, а явились на экзаменъ только «такъ себѣ». Но не то приходилось намъ замѣчать на экзаменахъ исторіи, географіи и словесности. Здѣсь какой бы профессіи ассистентъ ни случился, смотреть онъ обыкновенно бодро, даже снисходительно улыбается, а иной разъ и спросить что-либо въ родѣ слѣдующаго: «а на какой островъ англичане отвезли Наполеона І?» или: «на какой рѣкѣ стоитъ городъ Парижъ?»—словомъ, чувствуетъ себя, въ нѣкоторой степени, свѣдущимъ по исторической и географической части, какъ и подобаетъ образованному человѣку. Отвѣчаешь, бывало, на эти вопросы, а самъ думаешь: хорошо тебѣ улыбаться, да спрашивать этакъ, а вотъ бы поставить тебя на мое мѣсто, да допросить бы порядкомъ, такъ посмотрѣли бы мы тогда на улыбку-то... Очень ужъ не нравилась мнѣ эта улыбка. Неразъ являлся также вопросъ, зачѣмъ это мнѣ, экзаменуемому, слѣдуетъ отвѣчать на такіе вопросы, на которые всѣ экзаменаторы могутъ отвѣчать только каждый по своей спеціальности, а ни одного изъ нихъ не найдется, который могъ бы имѣть такія разностороннія свѣдѣнія по различнымъ предметамъ, какъ юноша, оканчивающій курсъ. Почему это, думалось мнѣ, они считаются, и конечно основательно, людьми образованными, а могутъ не знать многого того, чтó требуютъ отъ меня, юноши, которому еще придется въ университетѣ четыре года «питаться науками», чтобы получить право называться образованнымъ человѣкомъ. Эти недоразумѣнія такъ и оставались недоразумѣніями. Учили ли насъ тогда плохо, умственной ли зрѣлости было мало для рѣшенія подобныхъ вопросовъ,—не знаю; но я сомнѣвался...

Непонятно для насъ и по сію пору многое въ теперешнемъ способѣ переводныхъ и выпускныхъ испытаній...

Въ былыя времена, когда занимались въ школахъ исключи-

тельно выучкою, когда успѣхъ обученія измѣрялся преимущественно количествомъ знаній, а не качествомъ ихъ,—когда такъ щеголяли количествомъ ихъ, что Алекс. Гумбольдтъ, какъ говорятъ, просмотрѣвъ однажды программу какого-то юнкерскаго училища, пожалѣлъ, что онъ не знаетъ столько, сколько долженъ знать русскій юнкеръ,—тогда и установилась совершенно-подходящая къ задачамъ обученія система испытаній, состоящая въ томъ, что учащіеся должны отвѣчать въ концѣ года предъ преподавателемъ и начальствующими контролирующими лицами по всему курсу; а такъ какъ никакая память не въ состояніи была удержатъ огромную массу свѣдѣній по всевозможнымъ предметамъ, то и пришлось давать учащимся по нѣсколько дней на подготовленіе къ каждому экзамену. Во многихъ случаяхъ преподаватели и занимались исключительно тѣмъ, что готовили своихъ питомцевъ къ экзамену. Экзаменъ становился конечной цѣлью, какъ для учениковъ, такъ и для преподавателей: головы первыхъ старательно нагружались всевозможными и разнородными свѣдѣніями съ тою цѣлью, чтобы учащіеся донесли этотъ багажъ до выпускного экзамена, и тамъ, наконецъ, вывалили бы передъ изумленными взорами начальства огромные ворохи всяческихъ свѣдѣній. Для того, чтобы помочь сохранить этотъ багажъ, который юношество съ бѣльшей скоростью растеривало, чѣмъ пріобрѣтало, придумывались различныя приспособленія, таблицы... Мы помнимъ, какъ преподаватель исторіи, дополняя различными генеалогическими и хронологическими данными учебникъ Смарагова, совѣтовалъ выписывать всѣ ихъ отдѣльно и каждое утро послѣ молитвы прочитывать для освѣженія ихъ въ памяти; такимъ способомъ, по словамъ преподавателя, можно сохранить все хорошо въ памяти и не опасаться экзамена. Для этой же цѣли преподаватель географіи совѣтовалъ ежедневно путешествовать по картамъ, по всевозможнымъ направленіямъ; учитель естественной исторіи совѣтовалъ нѣчто подобное дѣлать съ различными ботаническими и зоологическими таблицами... Наболѣе усердные ученики попробовали, было, выполнять совѣты своихъ наставниковъ, но постоянство не есть добродѣтель юныхъ душъ... А нѣкоторые даже считали болѣе практичнымъ имѣть при себѣ, для большаго удоб-

ства въ рукавѣ, бумажки съ необходимыми данными, другіе же, болѣе осторожные и старательные, ухитрялись выписывать множество данныхъ у себя на ладоняхъ и такъ миниатюрно, что учитель, или начальство, даже посмотрѣвъ на ладони учениковъ, нескоро догадались бы, въ чемъ дѣло.

Въ наше время, время всяческихъ реформъ, многое въ школѣ измѣнилось. Усомнились въ пользѣ энциклопедизма въ школѣ, перебрали различныя знанія и избрали изъ нихъ то, что болѣе доступно юнымъ умамъ учащихся, обратили вниманіе на то, что не столько важна сумма знаній, сколько развитіе умственныхъ силъ и способностей учащихся, пришли къ вѣрному заключенію, что важно не только то, что преподается, но и какимъ образомъ преподается и какъ усваивается учащимися,—словомъ, обращено вниманіе на методъ и приемы преподаванія. (При этомъ мы должны оговориться, что выборъ учебнаго матеріала, по нашему мнѣнію, не всегда былъ удаченъ, а увлеченіе приемами преподаванія у иныхъ доходило до такой крайности, что они ухитрялись показывать необычайную виртуозность преподаванія, ровно ничему не научая своихъ учениковъ).

Во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что несомнѣнный успѣхъ въ учебномъ дѣлѣ въ наше время сказался въ томъ, что значительно уменьшили объемъ преподаваемого, главною задачею поставили развитіе умственныхъ силъ и способностей, и потому обратили вниманіе на методы и приемы преподаванія, а такъ какъ правильный выборъ ихъ зависитъ не только отъ свойства самого учебнаго матеріала, но и отъ знанія дѣтской натуры, то потому стали обращать вниманіе на изученіе ея. (Въ этомъ послѣднемъ, по нашему мнѣнію, лучшій залогъ дальнѣйшихъ успѣховъ современной педагогики).

Такимъ образомъ, характеръ учебнаго дѣла и задачъ его существенно измѣнился, а способы провѣрки успѣховъ этого дѣла,—экзамены, остались, такъ сказать, на старомъ положеніи. Они, положительно, являются вреднымъ анахронизмомъ въ школьномъ дѣлѣ.

Мало того, экзаменами нерѣдко опредѣляется самый характеръ преподаванія. Нѣкоторые учителя, какъ мы говорили, уже не столько учатъ учениковъ своему предмету, сколько готовятъ

ихъ къ экзамену. Не сущность предмета часто у нихъ въ виду, а тѣ вопросы, какіе начальство, посѣщающее экзамены, любитъ предлагать. Извѣстно, напр., что характеръ присылаемыхъ для выпускныхъ экзаменовъ темъ и задачъ обусловливаетъ въ очень сильной степени характеръ и тѣхъ, какія задаются въ году преподавателемъ въ старшихъ классахъ. Такимъ образомъ, темы и задачи приноравливаются часто не къ свойствамъ учащихся, не къ потребностямъ проходимаго курса, а ко вкусу тѣхъ лицъ, которыя совершенно случайно придумываютъ къ экзамену темы и задачи. Наконецъ, учебники и программы нерѣдко составляются такъ, какъ будто на первомъ планѣ стоятъ интересы экзамена.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что вопросъ объ экзаменахъ, безспорно, весьма важенъ, и о немъ слѣдуетъ обстоятельно подумать.

Посмотримъ же теперь, какое значеніе могутъ имѣть экзамены для а) учащихся, б) учителей и с) начальства, контролирующаго школьное дѣло.

Обыкновенно, говорятъ, что польза экзаменовъ для учащихся въ томъ, что они 1) самостоятельно повторяютъ курсы по каждому предмету цѣликомъ, и, стало быть, 2) курсы лучше усвоятся памятью и объединятся въ стройное цѣлое, потому что прочтется все разомъ, а не по частямъ, какъ это дѣлалось въ теченіе года.

Эти соображенія кажутся съ перваго взгляда очень вѣскими, но на дѣлѣ не то.

Объединить учебный курсъ въ одно стройное цѣлое—это задача несравненно труднѣйшая, чѣмъ усвоить и понять отдѣльные уроки изъ курса. И вотъ, тогда, какъ послѣдніе усвоивались при помощи объясненій учителя и подъ его контролемъ, гораздо труднѣйшее дѣло—понять взаимную связь отдѣльных частей курса и объединить ихъ въ одно стройное цѣлое,—предоставляется самимъ учащимся. На самомъ дѣлѣ, никогда подобнаго объединенія въ головахъ готовящихся къ экзамену не происходитъ. Замѣчено даже, что учащіеся, обыкновенно, просятъ у преподавателей заблаговременно до экзаменовъ программъ съ раздѣленіемъ ихъ на билеты,—«чтобы легче было готовиться къ экзамену», поясняютъ наиболѣе откровенные. Практическій

здравый смысл и нѣкоторый опытъ подсказываютъ, что приготовиться къ хорошимъ отвѣтамъ на экзаменѣ можно довольно удобно, когда заблаговременно знаешь, съ чего придется начинать и чѣмъ кончать. А нѣкоторые, не безъ лукавства, рассчитываютъ, что гораздо расчетливѣе будетъ начало каждаго билета получше подготовить, чѣмъ конецъ, такъ какъ рѣдко приходится отвѣчать весь билетъ до конца. Такимъ образомъ, готовящіеся къ экзамену вовсе и не думаютъ о связи частей повторяемаго курса; заботятся они преимущественно о хорошихъ отвѣтахъ на отдѣльные билеты,—о томъ, какъ бы получше начать эти отвѣты, да усиленно напрягаютъ память для того, чтобы донести до экзамена массу частныхъ, знаніемъ которыхъ думаютъ блеснуть на экзаменѣ, и блистають, надо отдать имъ эту справедливость, подчасъ совершенно некстати.

Прибавимъ къ этому, что заблуждаться насчетъ экзаменовъ, придавая имъ указанное значеніе, еще могутъ съ нѣкоторымъ правомъ профессора университетовъ, читающіе сколько-нибудь строгіе научные курсы, но не преподаватели средне-учебнаго заведенія, въ распоряженіи которыхъ не систематическіе научные курсы, но учебный матеріалъ, объединить который, усмотрѣть логическую связь между отдѣльными частями, связать ихъ какимъ-либо логическимъ началомъ—часто дѣло очень трудное и для преподающихъ, а не только для учащихся. Безспорно, что тамъ, гдѣ это возможно, очень желательно, чтобы учащіеся приходили къ сознанію извѣстной логической связи между отдѣльными усвоенными ими знаніями, но сдѣлать это они могутъ только при помощи преподавателя при окончаніи курса. Предполагать же, что это сдѣлають сами учащіеся, готовясь къ экзамену, значить предаваться крайне страннымъ иллюзіямъ.

Слѣдовательно, остается только одна полезная сторона экзаменовъ, что ученики съ напряженнымъ вниманіемъ повторяютъ пройденные курсы. Но если мы припомнимъ, цѣною какого труда покупается эта единственная выгода, подумаемъ, сколько тратится, обыкновенно, здоровья на спѣшное приготовленіе къ экзаменамъ, сколькихъ бессонныхъ ночей и тревогъ стоитъ оно, то и эта единственная выгода, конечно, явится намъ слишкомъ ничтожною, чтобы пріобрѣтать ее такою дорогою цѣною. Да и

кромѣ того, это спѣшное, неравномѣрно распредѣленное повтореніе далеко не можетъ считаться особенно полезнымъ. Головы готовящихся къ выпускнымъ экзаменамъ наскоро набиваются всевозможными свѣдѣніями, которыя, напряженная до послѣдней степени, память силится удержать, — а, между тѣмъ, сдѣлать это неимовѣрно трудно, такъ какъ свѣдѣнія не только по разнымъ предметамъ, но даже и по каждому въ отдѣльности, часто мало имѣють внутренней связи между собой. Сознаніе каждаго человѣка въ нормальномъ состояніи озаряетъ только извѣстную, обыкновенно, небольшую, часть его наличныхъ представленій, или понятій, изъ которыхъ въ данный моментъ слагаются его мысли. Для чистоты и силы мыслей необходимо удалять изъ сознанія все то, что не имѣетъ близкаго отношенія къ нимъ. Чѣмъ болѣе число представленій и понятій приходится озарять сознаніемъ, тѣмъ слабѣе это озареніе. Правда, способность разомъ освѣщать сознаніемъ большую массу понятій обуславливаетъ ширину мысли, возможность широкихъ обобщеній. Способностью этой владѣють въ наибольшей степени великіе мыслители. Безспорно, необходимо воспитывать эту способность и въ учащихся; но едва ли и самый рьяный поборникъ теперешней системы экзаменовъ станетъ серьезно относить ихъ къ средствамъ, ведущимъ къ этой цѣли. Напротивъ, думаемъ, что всякій, кто не утратилъ памяти о своей юности и о томъ, въ какомъ состояніи находилась его голова во время экзаменовъ, сознается, конечно, что въ ней происходилъ страшный сумбуръ. Масса всевозможныхъ и часто совершенно мелочныхъ свѣдѣній по различнымъ предметамъ загромождаетъ въ это время голову усерднаго ученика, представляя нѣчто въ родѣ пресловутой плюшкинской кучи, не имѣющей никакой цѣны и никакого смысла. Голову усерднаго ученика, просиживающаго ночи за приготовленіемъ къ выпускнымъ экзаменамъ, можно уподобить калейдоскопу, гдѣ образуются совершенно случайно самыя разнообразныя сочетанія, самыя неожиданныя прихотливыя фигуры. Кому приходилось усердно готовиться къ строгимъ экзаменамъ, тотъ согласится съ нашимъ сравненіемъ, припомнивъ, какъ къ концу экзаменовъ свѣдѣнія по различнымъ предметамъ путались, переплетались въ головѣ, образуя самыя прихотливыя и бессмы-

сленныя сочетанія, и какъ было трудно сосредоточивать мысль на какой-либо опредѣленной группѣ понятій. Происходить это, конечно, отъ крайняго нервнаго утомленія, отъ усталости сознанія и воли, если можно такъ выразиться. То, что происходитъ въ головѣ юноши въ это время, напоминаетъ бредъ горячечнаго ¹⁾—это ясно отражается на ошалѣломъ, недоумѣвающимъ и тревожномъ лицѣ его... И вотъ, въ такомъ-то состояніи многіе педагоги считаютъ полезнымъ продержатъ головы учащихся въ пору экзаменовъ... Но это все преувеличено, скажутъ намъ, — нѣкоторые экзамены далеко не такъ страшны, какъ ихъ представляютъ. На это мы отвѣтимъ, что все высказанное мы наблюдали и на самихъ себѣ и на другихъ, и что въ данномъ случаѣ мы имѣли въ виду тѣ экзамены, которые на языкѣ педагоговъ называются «серьезными», а на языкѣ учащихся «строгими». Бываютъ, дѣйствительно, экзамены другого рода, о которыхъ ученики говорятъ, что къ нимъ не стоитъ готовиться, а наставники выражаются о нихъ, что эти экзамены только *такъ себѣ, для формы*. Тѣмъ изъ читателей, которые станутъ утверждать, что мы впали въ преувеличеніе, по всей вѣроятности, больше извѣстны экзамены второго рода, чѣмъ перваго. Что хуже: безсознательно ли совершать неразумное и отчасти даже жестокое дѣло, или сознательно дѣлать пустяки, да при томъ еще довольно торжественно, — рѣшить нелегко. По нашему убѣжденію, второе хуже: поборники строгихъ экзаменовъ въ теперешней ихъ формѣ *вредно* ошибаются; но они убѣждены въ пользѣ того, что дѣлаютъ, а «ошибка въ фальшь не ставится». *Сознательная фальшь въ дѣлѣ воспитанія и обученія вреднѣе тысячи безсознательныхъ ошибокъ и заблужденій*. Пустякамъ не мѣсто въ школѣ, и педагоги, продѣлывающіе ихъ, да еще съ извѣстной торжественностью, способствуютъ тому, чтобы и жизнь ихъ питомцевъ въ будущемъ превращалась въ пустую комедію...

Впрочемъ, педагоговъ, смотрящихъ на экзамены, какъ на пустую форму, нечего убѣждать въ неразумности ихъ, они

¹⁾ Было бы очень полезно, если бы какой-нибудь опытный психіатръ изслѣдовалъ научнымъ образомъ то патологическое состояніе, въ какомъ находятся многіе учащіеся въ пору экзаменовъ.

должны это сами сознавать въ принципѣ. Имъ пришлось бы только доказывать вообще о вредѣ всякихъ пустяковъ и фальши въ школѣ, что не входитъ въ задачу этой статьи. Мы обращаемъ наши доводы только къ тѣмъ, кто смотритъ на экзамены, какъ на серьезное дѣло.

Обратимся теперь къ вопросу, какая польза экзаменовъ для преподавателя. Если онъ въ теченіе года не успѣлъ узнать своихъ учениковъ, то странно было бы полагать, что онъ узнаетъ ихъ во время экзаменовъ, удѣляя на каждого испытуемаго по четверти часа. Всѣ учащіеся, въ глазахъ преподавателя, могутъ дѣлиться на три категоріи: а) несомнѣнно-достойныхъ перевода въ слѣдующій классъ; б) несомнѣнно-остающихся на второй годъ въ томъ же классѣ, и с) сомнительныхъ. Относительно этихъ послѣднихъ, понятно, экзаменъ имѣетъ смыслъ, такъ какъ степень ихъ знанія недостаточно ясна для преподавателя, и онъ желаетъ обстоятельно испытать ихъ и при томъ въ присутствіи постороннихъ лицъ, которыя могутъ помочь ему рѣшить безпристрастно вопросъ, достойны ли перевода въ слѣдующій классъ, или нѣтъ, сомнительные для него ученики. Что же касается первыхъ двухъ категорій, то годовыя занятія и сложившееся, на основаніи ихъ, убѣжденіе преподавателя, очевидно, не могутъ поколебаться отъ случайнаго отвѣта на экзаменѣ. Совѣтовъ и полезныхъ указаній отъ присутствующихъ на экзаменѣ лицъ (предполагая, конечно, что они люди свѣдущіе по предмету испытанія), преподаватель тоже ожидать не можетъ: они на основаніи экзамена могутъ только сказать, достаточно ли въ количественномъ отношеніи усвоено учениками, и, пожалуй, могутъ сказать, отчетливо ли понято усвоенное, но и только. Главнаго, самаго дѣла, они не могутъ видѣть на экзаменѣ; они не видятъ, *какимъ путемъ* усвоенъ и понятъ учащимися учебный матеріалъ: вѣдь то, что ученики понимаютъ, о чемъ говорятъ, еще не свидѣтельствуетъ о правильномъ преподаваніи: учитель могъ это, какъ говорится, толковать имъ, частнымъ собственнымъ объясненіемъ довести ихъ до пониманія, или, давъ имъ хорошій учебникъ въ руки, принудить ихъ изучить его. При этомъ могло и не быть у учениковъ активной мыслительной работы, а потому могло и не образоваться навыковъ

мышленія, могли они не войти, такъ сказать, во вкусъ его,— словомъ, главная цѣль преподаванія могла остаться въ сторонѣ. Напротивъ того, пассивное усвоеніе учебнаго матеріала по учебнику, или со словъ преподавателя и педантическая требовательность его могли поселить антипатію какъ, въ частности, къ извѣстному учебному предмету, такъ и вообще содѣйствовать умственной лѣни и антипатіи ко всякому знанію. Оцѣнка же учительской дѣятельности по случайнымъ, болѣе или менѣе, отвѣтамъ испытуемыхъ на экзаменѣ едва ли можетъ быть сколько-нибудь полезною для дѣла.

Конечно, начальствующимъ лицамъ необходимо самимъ лично убѣждаться, насколько дѣло идетъ успѣшно въ подвѣдомственныхъ имъ заведеніяхъ. Естественно также, что имъ желательно, чтобы контроль этотъ былъ какъ можно болѣе удобенъ для нихъ,— требовалъ бы по возможности меньшей затраты силъ и времени. Понятно, что, при прежнемъ характерѣ учебнаго дѣла, экзамены въ общепринятой формѣ были самымъ простѣйшимъ и удобнымъ способомъ контроля. Отвѣчаютъ ученики на вопросы, поставленные въ узаконенной программѣ, стало быть, школа свое дѣло сдѣлала, а какими путями это совершено, какою цѣною куплено, на это не обращалось вниманія. Въ настоящее же время понимаютъ, что надо обращать побольше вниманія на то, какою цѣною покупаются знанія учениками, понимаютъ, что учитель, при извѣстной строгости и требовательности, можетъ заставить учениковъ изучить учебникъ, и они будутъ хорошо отвѣчать на экзаменѣ; понимаютъ, что такому преподавателю еще нельзя сказать спасибо, потому что удовлетворительные отвѣты учениковъ куплены ими непомѣрною затратою труда и времени, и потому, что, въ результатѣ, можетъ, какъ выше сказано, оказаться отвращеніе къ предмету.

Наконецъ, въ настоящее время, когда считаютъ главною цѣлью школы умственное развитіе учащихся, невозможно для наблюдающихъ лицъ по экзаменамъ опредѣлить, насколько каждый преподаватель содѣйствовалъ, или содѣйствовалъ ли, хотя сколько-нибудь умственному развитію учащихся, а, между тѣмъ, именно, это и важно опредѣлить для хорошей организациі школы. Даже по языкамъ и математикѣ, гдѣ основательное

знаніе сказывается въ практическомъ умѣньѣ переводить и рѣшать задачи, экзамены не даютъ возможности судить о качествѣ преподаванія. Мы знаемъ примѣры, что строгіе и требовательные учителя математики, заставляя учащихся рѣшать сотни задачъ во время различныхъ праздниковъ, добивались того, что ученики прекрасно рѣшали задачи, хотя въ то же время получали рѣшительное отвращеніе къ математическимъ занятіямъ. Знаемъ также и преподавателей языковъ, какъ классическихкихъ, такъ и новѣйшихъ, которые своею суровою требовательностью добивались отъ учениковъ хорошаго знанія грамматики и, въ то же время, поселяли отвращеніе къ занятіямъ этими языками. Очевидно, такіе преподаватели оказываютъ медвѣжьи услуги отечественному образованію, а между тѣмъ, основываясь на экзаменахъ, ихъ относятъ къ числу образцовыхъ преподавателей.—Изъ всего сказаннаго мы дѣлаемъ выводъ, что общепринятая система испытаній представляетъ развѣ только крайне поверхностный способъ контроля надъ учебнымъ дѣломъ. При томъ, не давая возможности правильно судить о преподавательской дѣятельности, экзамены не могутъ считаться и хорошимъ средствомъ для оцѣнки успѣховъ учащихся, такъ какъ большое, обыкновенно, число ихъ не даетъ возможности долго останавливаться на каждомъ, а при этомъ открывается широкій просторъ всякимъ случайностямъ. Въ былыя времена экзамены принимали часто характеръ совершенно антипедагогическій: это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда контролируюція лица, сами, безъ посредства преподавателей, задавали испытуемымъ задачи и темы, или поручали производить экзаменъ постороннимъ лицамъ, какъ бы не довѣряя учителямъ. Если есть основаніе не довѣрять преподавателю, то такого не слѣдуетъ и оставлять въ школѣ, такъ какъ онъ, и при хорошемъ знаніи своего дѣла, можетъ оказывать вредное нравственное вліяніе на учащихся, но, если нѣтъ особаго повода къ недовѣрію, то незачѣмъ напрасно оскорблять преподавателя, да еще на глазахъ учениковъ. Впрочемъ, теперь, при большемъ развитіи деликатности въ отношеніяхъ начальства къ подчиненнымъ, это явленіе едва ли встрѣчается.

Лучшимъ же и, пожалуй, единственнымъ способомъ правиль-

наго контроля надъ учебной дѣятельностью при теперешнемъ ея характерѣ, очевидно, остается по возможности частое посѣщеніе уроковъ въ теченіе года. Это, конечно, не легко для контролирующихъ; но зато это будетъ дѣйствительнымъ контролемъ и результаты его, конечно, будутъ плодотворнѣе, чѣмъ результаты посѣщенія экзаменовъ.

А между тѣмъ существуютъ способы во всѣхъ отношеніяхъ болѣе удобные, чѣмъ экзамены, для общаго повторенія курса и провѣрки знаній. Этотъ способъ—репетиціи. Репетиціи, конечно, при разумной организаціи ихъ, устраняя всѣ неудобства экзаменовъ, представляютъ много хорошихъ сторонъ.

Устроить ихъ можно было бы во всѣхъ классахъ, по нашему убѣжденію, слѣдующимъ образомъ.

Недѣль за шесть до окончанія учебнаго года курсы по всѣмъ предметамъ должны быть закончены и затѣмъ повторены въ нѣсколько приемовъ на репетиціяхъ. Каждый день можетъ происходить репетиція по одному предмету, длящаяся не болѣе трехъ часовъ. Каждый предметъ повторяется въ теченіе четырехъ или пяти репетицій; послѣдняя изъ нихъ (четвертая или пятая) должна быть *общей*, т. е. тутъ уже спрашивается съ учащихся не часть курса, какъ на предыдущихъ частныхъ репетиціяхъ, а весь курсъ.—Курсъ долженъ быть спрошенъ по порядку, такъ, чтобы весь онъ прошелъ предъ глазами учащихся въ той послѣдовательности, въ какой проходится въ теченіе года. Весь классъ на репетиціяхъ долженъ принимать участіе въ дѣлѣ и вниманіемъ, и отвѣтами на тѣ вопросы, на которые вызванные учащіеся не могутъ отвѣтить. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи порядокъ будетъ противоположный тому, какой обыкновенно замѣчается на экзаменахъ, гдѣ испытуемыхъ большею частью вызываютъ въ извѣстномъ порядкѣ, а спрашиваютъ по случайно попавшимся билетамъ; стало быть, какъ между вопросами, такъ и между отвѣтами нѣтъ никакой внутренней связи. Репетиціи въ томъ видѣ, какъ мы ихъ предлагаемъ, дадутъ возможность спросить систематически весь курсъ, который по частямъ отвѣтять учащіеся, вызываемые не по порядку, а случайно учителемъ. Такимъ образомъ, случайность здѣсь падаетъ не на отвѣтъ, а на отвѣчающихъ. Выгода такого приѣма заклю-

чается въ томъ, что предъ учениками проходить постепенно весь курсъ, и они, внимательно слушая отвѣты своихъ товарищей, повторяютъ его цѣликомъ, въ возможно стройномъ порядкѣ. Контролирующія же лица могутъ судить вполне ясно, въ чемъ заключается курсъ, въ какой полнотѣ онъ пройденъ и какъ усвоенъ.

По нашему убѣжденію, не слѣдуетъ даже и оповѣщать учащихся предъ послѣдними общими репетиціями о распредѣленіи ихъ по днямъ, т. е. когда будетъ репетироваться тотъ или другой предметъ: курсы пройдены въ году, повторены по частямъ на частныхъ репетиціяхъ, и нѣтъ никакой надобности въ особенныхъ еще приготовленіяхъ къ послѣднимъ общимъ репетиціямъ, тѣмъ болѣе, что и нѣтъ возможности въ одинъ вечеръ повторить цѣлый курсъ. Такимъ образомъ устранится то зло, что наиболѣе усердные изъ учениковъ, зная хорошо свое дѣло, изъ мнительности все-таки просиживаютъ ночи, перечитывая то, что имъ и безъ того хорошо извѣстно ¹⁾).

Выгодныя стороны указанныхъ репетицій сравнительно съ экзаменами слѣдующія:

1) Занятія въ школѣ идутъ изо-дня въ день, и работа учащихся распредѣляется равномерно, чѣмъ во время приготовленій къ экзаменамъ (обыкновенно болѣе безпечные изъ учащихся изъ нѣсколькихъ дней, какіе даются для приготовленій къ каждому экзамену, откладываютъ занятія на послѣднее время и затѣмъ подготовляются усиленно и днемъ, и ночью въ послѣдніе два-три дня).

2) Весь курсъ повторяется по частямъ на глазахъ преподавателя, который можетъ при отвѣтахъ учащихся восполнить пробѣлы, устранить всякіе недосмотры, помочь учащимся сдѣлать обобщенія, связать, насколько возможно, пройденный курсъ въ одно цѣлое,—что ужъ совсѣмъ невозможно при спѣшномъ, порывистомъ приготовленіи ихъ къ экзаменамъ.

¹⁾ Общія репетиціи такого рода, происходящія безъ оповѣщенія о нихъ учениковъ, производятся теперь лишь въ нѣкоторыхъ частныхъ гимназіяхъ, во главѣ которыхъ стоятъ извѣстные своими просвѣщенными взглядами педагоги (какъ видно, съ 1876 г., когда покойный авторъ впервые затронулъ этотъ вопросъ. мы недалеко ушли впередъ).

3) Преподаватель может судить гораздо лучше, чѣмъ на экзаменахъ, насколько классъ справился съ цѣлымъ курсомъ, и получаетъ болѣе полное представленіе о своихъ ученикахъ, такъ какъ каждый изъ нихъ могъ отвѣчать не разъ на частныхъ репетиціяхъ и на общей и на отдѣльные вопросы при спрашиваніи другихъ.

4) Начальство, контролирующее учебное дѣло въ школѣ, можетъ судить не только о бойкости и ловкости отвѣтовъ отдѣльных учениковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ о характерѣ и полнотѣ учебнаго курса, который проходить послѣдовательно предъ ихъ глазами въ отвѣтахъ учащихся.

Само собою разумѣется, что и репетиции легко обратить въ нѣчто тяжелое и бесполезное для учащихся: стоитъ только преподавателю, мало требовательному въ году, предъявить имъ строгую требовательность и педантизмъ на репетиціяхъ, или сократить число репетицій, вмѣсто пяти или шести, на двѣ на три; или устроить каждый день не по одной, а по двѣ репетиціи,—и дѣло будетъ, конечно, испорчено ¹⁾. Но вѣдь чего же нельзя испортить?—Только та школа заслуживаетъ репутаціи благоустроенной школы, гдѣ главный трудъ падаетъ на классныя занятія въ теченіе года, а не на время репетицій или приготовленій къ экзаменамъ. Есть и еще выгода репетицій: тратится меньше времени сравнительно съ экзаменами. Теперь на экзамены обыкновенно уходитъ мѣсяцъ, да начинаютъ готовиться къ нимъ за мѣсяцъ или за два до начала ихъ, и уроки при ихъ обыкновенномъ распредѣленіи, т. е. по 4, по 5 въ день, обращаются въ сущности въ то, что мы называемъ частными репетиціями, т. е. ученики повторяютъ по частямъ курсъ; при чемъ на день падаетъ два или даже три репетируемыхъ предмета, такъ что ученики буквально завалены работой; при этомъ переходъ отъ одного къ другому и третьему предмету въ одинъ вечеръ еще болѣе утомляетъ ихъ. Встрѣчаются такіе примѣры: задано ученику повторить 30 страницъ по исторіи, 20 по Закону Божию

¹⁾ Еще хуже бываетъ, если такія репетиціи идутъ параллельно съ нормальными уроками по другимъ учебнымъ предметамъ; тогда и вниманіе учащихся разбивается, что вредитъ и самому дѣлу, да и силы дѣтей страдаютъ, подрываемыя двойной работой.

и 25 по географіи—и это надо сдѣлать въ одинъ вечеръ къ слѣдующему дню! Надо ли говорить, что при правильной постановкѣ репетицій, когда готовятся лишь къ одной изъ нихъ, работа ученика будетъ сосредоточеннѣе и легче.

Такимъ образомъ, на безпорядочное и крайне утомительное повтореніе курсовъ въ классахъ уходитъ мѣсяца полтора, да на экзаменъ съ днями на приготовленіе къ нимъ уходитъ всегда по меньшей мѣрѣ мѣсяцъ,—всего два съ половиной мѣсяца крайне тяжелой и въ сущности бесполезной работы. Репетиціи, правильно устроенныя, не займутъ болѣе 30—35 учебныхъ дней, рассчитывая не менѣе 5, даже 6 репетицій среднимъ числомъ на каждый изъ предметовъ, имѣющихъ характеръ курсовъ и нуждающихся въ повтореніи (исторія, географія, физика и т. п.). Что же касается языковъ, то здѣсь повторять собственно нечего, такъ какъ грамматическія правила должны были повторяться постоянно въ теченіе года при практическихъ упражненіяхъ, и на каждый языкъ для испытанія навыка въ переводѣ достаточно одной или много двухъ репетицій, тѣмъ болѣе, что для провѣрки знанія языка удобнѣе всего письменныя работы.—Такимъ образомъ при репетиціяхъ является экономія времени на цѣлый мѣсяцъ, который разумнѣе всего было бы раздѣлить пополамъ: двѣ недѣли прибавить къ учебному времени, а двѣ къ ваканціямъ, которыя начинались бы, стало быть, не съ 1-го іюня, какъ теперь, а съ 15-го мая. Это было бы значительнымъ облегченіемъ.

Экзамены останутся, слѣдовательно, только для вновь вступающихъ въ школу, для тѣхъ изъ учащихся, которые не могли быть на окончательныхъ общихъ репетиціяхъ по какой-либо вполнѣ уважительной причинѣ, и для тѣхъ, относительно которыхъ самъ преподаватель и послѣ репетиціи затрудняется рѣшить, полезнѣе-ли оставить ихъ на второй годъ въ томъ же классѣ или перевести въ слѣдующій. Такихъ «сомнительныхъ» обыкновенно очень немного, и потому испытаніе ихъ отдѣльно отъ класса можетъ быть произведено гораздо основательнѣе, чѣмъ вмѣстѣ съ нимъ.

Нѣкоторыя заведенія, въ томъ числѣ и женскія гимназіи, послѣ обычныхъ переводныхъ экзаменовъ допускаютъ еще и переэкзаменовки. Если и экзамены вредны тѣмъ, что даютъ на-

дежду, нерѣдко тщетную, слабымъ ученикамъ поправить плохую годовую работу нѣсколькими днями усиленнаго труда, то переэкзаменовки, предоставляя для приготовленія все каникулярное время, еще болѣе могутъ повредить въ указанномъ отношеніи, и, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ ихъ совсѣмъ устранить ¹⁾).

Экзамены, скажемъ въ заключеніе, съ ихъ случайнымъ, лотерейнымъ характеромъ, съ днями на приготовленіе къ нимъ, возбуждающими у плохо работавшихъ учениковъ надежду поправить дѣло усиленнымъ подготовленіемъ, а иногда и расчетъ на счастье, представляютъ большое зло въ нашей школѣ, и нельзя не пожелать отъ всей души, чтобы лица, стоящія во главѣ школъ, занялись обстоятельной разработкой затронутыхъ въ нашей замѣткѣ вопросовъ... Стоитъ только припомнить цѣлый рядъ несчастныхъ случаевъ, объяснить которые можно лишь страшнымъ нервнымъ возбужденіемъ отъ бессонныхъ ночей, приготовленій къ экзаменамъ, постоянному переходу отъ страха къ надеждѣ, какіе естественно являются при лотерейномъ характерѣ экзаменовъ. А сколько неудовольствій и жалобъ на то, что рѣшили участь ученика или ученицы на основаніи двухъ-трехъ вопросовъ, одного-двухъ случайно вынутыхъ билетовъ,—на то, что учитель и *десяти минутъ* не спрашивалъ ученика, а рѣшилъ своей отмѣткой на *цѣлый годъ* продлить учебный періодъ его жизни. Конечно, многое въ этихъ сѣтованіяхъ и жалобахъ неосновательно, но далеко не все. Главная же бѣда, безспорно, въ томъ, что нѣсколькимъ случайнымъ отвѣтамъ на экзаменахъ придается рѣшающее значеніе, тогда какъ опредѣлять судьбу учащихся должна годовая работа ихъ. Будь это такъ, ни учащіеся, ни родители ихъ не надѣялись бы такъ на экзамены и не приходили бы въ отчаяніе отъ неудачнаго исхода ихъ. Они поняли бы, что успѣхъ въ ученіи и переходъ въ слѣдующій классъ обуславливаются постояннымъ равномернымъ трудомъ въ теченіе года, а не страшно напряжен-

¹⁾ Мы не согласны съ отрицательнымъ отношеніемъ покойнаго автора къ переэкзаменовкамъ; въ идеальной школѣ онѣ, конечно, немислимы, но при нерѣдкомъ формальномъ отношеніи казенныхъ гимназій къ ученикамъ, отношеніи, не признающемъ часто индивидуальныхъ особенностей каждаго ребенка и не считающемъ съ ними, такія переэкзаменовки являются поневолѣ «якоремъ спасенія» для «малыхъ сихъ».

ной умственной работой въ теченіе двухъ мѣсяцевъ экзаменаціоннаго времени. Вредныя стороны экзаменовъ отражаются какъ въ мужскихъ, такъ и въ женскихъ заведеніяхъ,—въ послѣднихъ слезы, обмороки, внезапныя заболѣванія—явленія обычныя во время экзаменовъ.

При правильной постановкѣ учебнаго дѣла экзамены и даже репетиціи получаютъ совсѣмъ второстепенное значеніе; но, полагаемъ, что и при теперешнихъ условіяхъ школы, замѣна экзаменовъ репетиціями будетъ мѣрою благотвѣльною.

Чего недостаетъ современной школѣ?

Болѣе всего слышатся жалобы у насъ и въ Германіи на то, что современная средняя школа, приводя учащихся къ переутомленію, апатіи, вліяя крайне вредно на здоровье физическое и духовное, не даетъ ни достаточныхъ знаній, ни умственного развитія и такимъ образомъ не подготовляетъ, какъ слѣдуетъ, молодыхъ поколѣнія ни къ жизни, ни къ дальнѣйшему высшему, или научному, образованію. Главную причину этого видятъ, и не безъ основанія, въ той односторонности, какою страдаетъ современная школа, направляющая всѣ усилія лишь на умственное развитіе и избравшая главнымъ орудіемъ для этого филологическое, или, точнѣе, грамматическое обученіе.

Въ этой замѣткѣ мы не имѣемъ въ виду входить въ детальное разсмотрѣніе различныхъ школьныхъ системъ, а остановимся лишь на тѣхъ общихъ недостаткахъ, которые свойственны и мужскимъ, и женскимъ школамъ, классическимъ и реальнымъ, и даже германскимъ школамъ, послужившимъ, какъ извѣстно, прототипомъ нашихъ.

Какіе же это общіе недостатки?

Прежде всего бросается въ глаза одно въ высшей степени странное явленіе.—Организаторы современной школы какъ будто предположили, что разсудочная способность человѣка одна только и заслуживаетъ ихъ вниманія; о воображеніи, о чувствѣ, о физической сторонѣ они совершенно забыли. Въ самомъ дѣлѣ, не только преобладающее, но почти исключительное поло-